

Д. Д. Николаев

Москва, Россия

**АНЕКДОТЫ И «ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗЫ» О КРАСНОЙ АРМИИ:
КОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И КОМИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ**

Анализируются комические произведения о Красной армии на материале сборника «Пять в яблочко: 210 анекдотов, сценок, юморесок, частушек из красноармейского быта» (1929). Показывается, что в основе многих текстов лежат универсальные комические ситуации, связанные с армией за счет контекста. В произведениях на армейские темы комизм строится на нарушении нормы, но при построении сюжета авторы вынуждены искать дополнительные источники комического, поскольку предписанная жесткая нормативность армейской жизни на деле таковой не является. Частные комические конфликты используются не только для раскрытия армейской проблематики, но и для обличения старого, до-революционного, деревенского, пытающегося сопротивляться новому, носителем которого выступает Красная Армия.

Ключевые слова: комическое, анекдот, Красная армия, русская литература 1920-х гг., советская литература, сатира, поэтика, репертуар.

В качестве материала для анализа в данной статье взят составленный З. Львовым и В. Грановым сборник «Пять в яблочко: 210 анекдотов, сценок, юморесок, частушек из красноармейского быта», выпущенный в 1929 г. отделом военной литературы Государственного издательства (Москва; Ленинград) [1]. Отдел военной литературы, как отмечает А. В. Дусин, с марта 1928 г. «стал практически монопольным производителем военной книги» [2, с. 20] и фактически получил в качестве «приданого» книги объединенных с Госиздатом коммерческих издательств. Первое издание сборника «Пять в яблочко» выпустил в 1927 г. «Военный вестник» с подзаголовком «175 анекдотов, сценок, юморесок, частушек из красноармейского быта» [3], второе, исправленное и дополненное издание – также «Военный вестник», в 1928 г., с подзаголовком на обложке: «210 анекдотов, сенок-рассказов, юморесок и частушек из красноармейского быта» [4].

Как явствует из подзаголовка, в книгу вошли 210 произведений, 20 из них в стихотворной форме – их мы предполагаем разобрать в специальной статье. Из 190 оставшихся 35 – рассказы, сценки, монологи, опубликованные с указанием

Николаев Дмитрий Дмитриевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, ddnikolaev@mail.ru)

автора (жанровое определение указывается в том случае, если оно обозначено в книге): «Кобылка» Раевского, «Письмо Пети Бузилкина: Рассказ» Яна Пригминского, «Сознательные сапоги: Веселый рассказ» П. Ейска, «Психотехника: Рассказ» А. Котлова, «Тяжелый день: Рассказ» Ермакова, «Мелкая жизнь: Юмореска» Андреича, «Зуммер: Рассказ» и «Компас: Рассказ» П. Баркова, «Деловые разговорчики: Сценка» М. Лося, «Неприкосновенное лицо: Рассказ», «Военная тайна: Рассказ» и «Просветитель: Рассказ» Г. Кузьменко, «Луна: Веселый рассказ» Н. Ипатова, «Великий слепой: Сценка» В. Кв-ого, «Спектакль: Рассказ» С. Карташова, «Активист: Монолог» А. Жукова, «Пьяница: Юмореска» А. Чистякова, «Канцелярская самодеятельность: Сценка» Чонгарцева, «Первомайский номер: Рассказ» В. Квасницкого, «Как Кузька-военкор родителей уважил: Сценка» Мих. Костяева, «Печка и Размазня: Рассказ» Т. Д., «Планида: Рассказ отделькома» – «передал» А. Жуков, «Самовольная отлучка: Рассказ» Парабеля, «Народное достояние: Рассказ» Макова, «Джигит: Веселый рассказ» Д. Гребенщикова, «Беспроегрышная: Рассказ» Ипатова, «Пари Великанова: Рассказ» В. Ходькова, «По существу: Сценка» Вьюгина, «Колдун: Сценка» Копьевского, «Слабó: Рассказ» Голянкова, «Возражений нет?..: Веселый рассказ» Д. Галушко, «Бычинные товарищи: Рассказ» Дементьева, «Лекторный человек: Рассказ» А. Ушакова, «Семь дней: Пародия» «Дяди Кондрата», «Обучающий: Юмореска» В. Гонибеева.

К этому списку нужно добавить еще несколько произведений, опубликованных без подписи, но явно носящих авторский характер (например, сцену «Разговор с винтовкой»). Всё остальное – произведения сверхмалых жанров, обозначенные составителями как «анекдоты», которые публикуются без указания авторства. В то же время нигде в сборнике не утверждается и их фольклорный характер, а в предисловии подчеркнута, что тексты брались из печатных источников. Анонимность произведений сверхмалых жанров – явление вполне обыденное для ежедневной и еженедельной прессы. В сатирико-юмористических журналах как до, так и после революции большинство произведений из разряда «мелочей» печаталось без подписи. Заполнялись при этом подобные разделы как фольклорными произведениями, так и авторскими шутками, придуманными постоянными сотрудниками или сторонними, присланными в редакцию. Как правило, подписывались, да и то не всегда, лишь последние – чтобы не присваивать чужое авторство. При этом среди присланных шуток встречались и неоригинальные, услышанные где-то или даже заимствованные из других изданий. В сборнике «Пять в яблочко» также есть некоторое количество анекдотов, которые существовали задолго до появления Красной армии.

«Важно отметить, что подавляющая часть этих анекдотов и фельетонов сложена самими красноармейцами – весельчаками и балагурами, которые имеются в каждой части, – указывается в предисловии. – Свое происхождение анекдоты ведут из ротных и полковых стенных газет, и уже оттуда по преимуществу они проникли в печатные органы и в настоящий сборник. На примере этого сборника, собравшего проявления юмористического творчества красноармейской массы, мы можем, в частности, убедиться в том, насколько вырос красноармеец. <...> Он (сборник. – Д. Н.) составился путем отбора анекдотов и фельетонов, помещенных в окружных красноармейских газетах, в журнале «Красноармеец» и в других журналах» [1, с. 10–11].

Таким образом, в сборнике есть примеры «солдатского фольклора», есть произведения, созданные самодеятельными авторами, военкорами, и сочинения профессиональных писателей и журналистов. Достаточно назвать одного из составителей, Вильгельма Исааковича Гранова (1895–1969), – именно он подписывался псевдонимом «Дядя Кондрат» [5, с. 144]. Этот принцип составления сбор-

ника делает его достаточно репрезентативным с точки зрения как принципов отбора, так и поэтики отобранных произведений, в том числе поэтики комического – комических ситуаций и комических сюжетов.

В предисловии определена и задача сборника, обусловившая принципы отбора произведений: «Поставить анекдот на службу Красной армии, побудить его принять свое участие в военном и политическом воспитании красноармейца – такова задача, разрешить которую отчасти стремится предлагаемый сборник» [1, с. 11]. Подобная установка составителей предполагает, что произведениям, построенным на комических ситуациях, исключающих возможность воспитательной «нагрузки», нет места в сборнике. Впрочем, составители в данном случае берут инициативу в свои руки: скорее, нужно говорить о том, что они стремятся даже в неочевидных случаях придать комической ситуации воспитательное значение. Этому помогает структура сборника, в котором все произведения распределены по разделам: «Казарма», «Винтовка», «Строй», «Военная техника», «Часовой – лицо неприкосновенное», «Военная тайна», «Школьное и внешкольное», «Военкор», «Про размазней», «Околоток. – Самовольные отлучки», «Об аккуратности и чистоте», «Ротный котел», «На досуге», «Физкультура», «В бессрочном отпуску. Красная армия и население», «Военизация населения».

«Пирамидальная» структура (произведение помещено в раздел, а раздел – в сборник) помогает связать с Красной армией даже тексты, крайне далекие от армии вообще и от Красной армии в частности. Ниже мы вернемся к этому, а пока приведем в качестве примера анекдот из раздела «Ротный котел», который вне контекста раздела и сборника воспринимается просто как проявление остроумия:

Погоди, покурим!

– Ефрюха, нет ли покурить?

– Погоди, сейчас хлеб принесут, может быть, недокуренный попадетс... [1, с. 123.]

В целом составители пытаются выдерживать в каждом разделе общий принцип компоновки: сначала следуют авторские рассказы, сценки или юморески, затем подписанные стихи и завершают разделы произведения сверхмалых жанров. Впрочем, соблюдать эту схему удастся не всегда – в том числе и потому, что разделы существенно различаются по объему. Так, в разделе «Военная техника» всего четыре произведения (два рассказа, сценка и большой диалог), в разделе «Военная тайна» – пять (рассказ и четыре «анекдота»). И все же именно эта схема позволяет встраивать комические ситуации, лишённые какой бы то ни было связи с военной проблематикой, в армейский контекст.

Здесь необходимо отметить, что составители не предполагают выделения какого-либо произведения сверхмалых жанров из контекста сборника в качестве самостоятельной единицы: они должны восприниматься лишь во взаимосвязи либо друг с другом, либо с произведениями малых жанров. Поэтому даже не имеющая должного воспитательного значения комическая ситуация, попадая в заданный контекст, усиливает обличительный эффект, определяемый текстом-лидером, если так можно выразиться.

«Пять в яблочко» – это репертуарный сборник, на что указывают и составители в пояснительной заметке «Как использовать материалы сборника»: «Выпускаемый сборник ставит себе задачей дать материал как для чтения, так и для клубных вечеров. Здесь собран материал главным образом для красноармейского дивертисмента» [1, с. 12]. Репертуарный характер определяет принципы отбора материала: это сценки или рассказы с малым числом действующих лиц, легко

поддающиеся инсценировке, или рассказы от первого лица, которые можно исполнять со сцены в качестве монолога. Среди поэтических произведений преобладают частушки, среди сверхмалых жанров – короткие диалоги из двух-трех-четырёх реплик. Обратим внимание, что составители, определившие в подзаголовке все произведения сверхмалых жанров как «анекдоты», в заметке «Как использовать материалы сборника» подразделяют их на анекдоты-диалоги и анекдоты-сценки, причем первые рекомендуется «поручать» рассказчику, а вторые – инсценировать. Использование термина «анекдот» в данном случае вполне соответствует определению, данному в 1925 г. М. Петровским в «Литературной энциклопедии: Словаре литературных терминов»: «С течением времени термин *анекдот* распространился и на короткие занимательные рассказы, передающиеся из уст в уста и не приуроченные ни к каким историческим фактам и лицам; эффект их также – либо в остроте или необычности положения, либо в остром слове, часто в каламбуре, составляющем суть рассказа. <...> Предельная сжатость, экономия и точность изложения, сосредоточенность его около сути дела и умелая интонация – главные условия успеха анекдота, к которым можно присоединить еще одно: чтобы анекдот был рассказан во время, уместно, кстати» [6, с. 52].

Репертуарный характер требует в данном случае отхода от конкретики. Книга, ориентированная на постановки в «союзном» масштабе, не предполагает использования комических ситуаций, понятных лишь конкретному соединению. Это стремление составителей к универсализму приводит к тому, что стирается грань, отделяющая собственно армейскую проблематику от универсальной. Поскольку исполнение вырванных из контекста произведений не предусмотрено, задача включения комических ситуаций в воспитательную красноармейскую парадигму носит во многом формальный характер. Собственно говоря, составители предлагают сборник-конструктор, где при исполнении конкретный комический сюжет для постановки или прочтения может формироваться из предложенного набора комических сюжетов и комических ситуаций. В рамках дивертисмента любая из предложенных комических ситуаций может восприниматься как сюжетное ответвление или вставной эпизод в рамках раскрывающего «армейскую» проблематику комического сюжета.

Проблематика всего сборника кажется достаточной для того, чтобы актуализировать в заданном ключе нейтральную комическую ситуацию, а таковых в книге немало. В качестве примера приведем уже упомянутый раздел «Ротный котел». В нем нет авторских рассказов, сценок или юморесок с армейской проблематикой, а из включенных в него семи анекдотов лишь два имеют внешнюю связь с армией (за счет использования слов «комхозсод», «лекпом», «красноармеец», «начсостав» и «полковой повар»), остальные же не имеют и таковой. Протицируем оставшиеся шесть (седьмой приведен ранее) анекдотов:

Вышло счастье, да скверной масти

– Ну, брат Пупыркин, я теперь все предрассудки изничтожил, ни в какое суеверие не верю! Примерно, говорят: ежели подкову найти, то это, значит, к счастью.

– А вот намедни на кухню нашу комхозсод заглянул, а кашевар зачерпнул щей на пробу, да и вытащи вместе с щами подкову. Что ж брат, очень неантиресное счастье кашевару вышло: на губе трое суток отсидеть! [1, с. 122]

От недоедания

– Товарищ дохтур, живот чего-то болит...

– Где, вот тут?

Литературная жизнь сюжета

- Туточка.
- И тут?
- И туточка.
- Лекпом морщит нос, гладит больного по животу и авторитетно заявляет:
- Плохо питаетесь. Необходимо усилить питание. Вы красноармеец?
- Нет.
- Начсостав?
- Нет.
- Да кто же вы?
- Полковой повар [1, с. 122–123]

Обеденное

- Семка, а нам мясную порцию здорово увеличили...
- Из чего ты взял?
- Да мне в супе целый *бычок* попался! [1, с. 123]

Найденная потеря

- У нашего кашевара в башке винтика не хватает...
- Постой. Я его в супе нашел! [1, с. 123]

Песчаная почва

- Сидоров, в каких местах нашего союза встречается песчаная почва?
- А-а, знаю. В бачке с кашей из кухни нашей! [1, с. 123]

За обедом

- Третьего дня я нашел в хлебе мочалку, вчера таракана, а сегодня – пучок волос. Это безобразия.
- Ничего подобного, это разнообразие! [1, с. 123]

Как видно, в пяти из семи анекдотов в основе комической ситуации лежит одно и то же: наличие в пище посторонних предметов. При этом ее развитие зависит от того, какой предмет оказывается в супе, каше или хлебе, и комический эффект достигается именно за счет этого дополнительного качества. Ни в одном из анекдотов раздела ни сама комическая ситуация, ни ее развитие не связаны с армией – ни с Красной, ни с какой-либо иной. То же касается и многих других текстов, особенно из разделов, не касающихся боевой подготовки, – и не только анекдотов. Так, раздел «Школьное и внешкольное» открывается сценой В. Кв-ого «Великий слепой». Ее сюжет сводится к тому, что зрители собираются на киносеанс, но просмотр сначала задерживают, потому что из города картину еще не привезли, а затем пленка то рвется, то крутится быстрее, чем нужно, то на экране вместо нормального изображения появляются какие-то пятна: «Лента рвется с изумительной аккуратностью – каждые десять метров. <...> Но вот к часу ночи аппарат начинает работать с бешеной скоростью: кони, люди, даже курицы скачут галопом, потом из аппаратной раздается треск... и снова темнота» [1, с. 77]. Вся связь с армией сводится к переносу комической ситуации в армейский «интерьер» и использованию нескольких характерных слов: «бойцы», «политрук», «красноармейцы».

В рассказе В. Квасницкого «Первомайский номер», открывающем раздел «Военкор», также ситуация носит универсальный характер: подготовленный номер стенгазеты заливают краской. Выход из этой ситуации столь же стереотипен: вместо нового номера вывешивается прошлогодний, в котором исправляются лишь некоторые детали.

В рассказе Ипатова «Беспроегрышная» главный герой, увидев на «толчке», как кто-то выиграл значительный приз в лотерею, сначала спускает все деньги, получив взамен лишь кучу дешевых призов, а затем, взамен на новые попытки отдает и все полученные прежде призы, оставшись лишь с одной дешевой открыткой. В основе рассказа «ярмарочный» сюжет, в котором комическим персонажем может быть мужик, приехавший на ярмарку и спускающий все деньги – либо свои, заработанные на продаже товара, либо общинные, полученные для покупки чего-то нужного. В этом же рассказе мужик превращается в красноармейца, которому три рубля «ребята в роте дали купить трафареты, цифры то есть на летние гимнастерки» [1, с. 129]. Такое указание, упоминаемая «шинель» героя плюс финальная фраза: «С этой открыткой в казарму пришел» [1, с. 131] – элементы внешней связи текста с армией. Впрочем, Ипатов использует армейскую тему и при сюжетном повороте. «Симпатичное лицо», устроившее беспроегрышную лотерею, играет на том, что главный герой военный, чтобы заставить того спустить полученные призы: «А он и говорит:

– Извольте, – говорит, – я для вас, как для военного, снисхождение могу сделать. Тяните, – говорит, – за четыре открытки да за мундштук.

– Вот, – думаю, – что значит военному везде снисхождение. – Правой рукой отдаю ему четыре открытки да мундштук, а левой в мешочек лезу» [1, с. 130].

Стремление уйти от конкретики приводит к отсутствию в сборнике произведений «на злобу дня». В нем нет противопоставления Красной армии и врагов – проблематики, актуальной для военного времени. При этом нельзя сказать, что большая часть ситуаций носит вообще вневременной характер – хотя и таких, разумеется, немало. В сборнике есть общая проблематика, которая и позволяет придать многим юмористическим по своему потенциалу комическим ситуациям воспитательный характер, а подчас и обличительный пафос. Проблематика эта в наиболее общей форме связана с противопоставлением нового и старого, а применительно к Красной армии второй половины 1920-х гг. проецируется на противопоставление Красной армии как «идеала» в роли нового, советского и призванных служить деревенских в роли представителей «антиидеала» – темного, старорежимного, дореволюционного.

«Анекдоты были известны и старой армии, но это были специфические, “солдатские” анекдоты. Они отражали собой тупость, цинизм и грубость тогдашней невеселой солдатской жизни. Характер этих анекдотов был таков, что видеть их в печатном виде представлялось совершенно невозможным, – отмечали составители. – В Красной армии тоже создавался свой анекдот. Но достаточно посмотреть хотя бы настоящий сборник, чтобы увидеть, что это анекдот – совершенно отличный от прежнего. Мы имеем тут дело с новым, культурным, воспитательным анекдотом» [1, с. 10].

В своей характеристике анекдотов «старой армии», равно как и в характеристике нового анекдота как «совершенно отличного от прежнего», составители, безусловно, излишне категоричны. Во-первых, часть комических ситуаций и сюжетов в сборнике неоригинальна и известна с дореволюционных времен; во-вторых, в «старой армии» создавались и комические произведения очень высокого уровня. Приведем пример из журнала, созданного русскими военнопленными в Германии, в лагере в Рейзене в 1918 г., назывался он «В замке» (подробнее о нем см.: [7]). Значительную часть каждого номера занимал раздел «Юмор и карикатуры», авторы которого следовали традициям лучших сатирико-юмористических изданий начала XX в. Не случайно в одной из заметок во втором номере создатели журнала вспоминали «Сатирикон»: «Веселая старушка жизнь! ты решила острить без соблюдения меры! ты сама хочешь писать в “Сатирикон”! ты обрабатываешь свои факты так, что к ним ничего не остается добавить перу юмориста!»

[8, с. 22]. Среди произведений, опубликованных на страницах журнала, выделялись произведения сверхмалых жанров, например комические объявления: «С завтрашнего дня по нечетным часам в коридоре будет зажигаться спичка: желающих прикурить убедительная просьба не опаздывать»; «В лагере водворилась новая гостья – “Испанка”. Лечение термометром, впервые примененное, дает блестящие результаты» [8, с. 22]; «Чтобы суп был гуще, хозяйственная комиссия решила варить его меньше» [9, с. 28].

В то же время отмеченное в предисловии противопоставление анекдотов о старой армии и анекдотов о Красной армии крайне важно для нас, поскольку по сути своей оно является противопоставлением двух основных принципов создания комического: выявление 1) комизма нормы и 2) комизма, построенного на нарушении нормы [10, с. 2, 17, 22]. «Тупость, цинизм и грубость» в старой армии рассматриваются составителями как норма; новая норма, утверждаемая в Красной армии, по умолчанию прямо противоположна прежней, и «огонь красноармейской сатиры» [1, с. 10] направлен не против нормы, а против тех, кто ее нарушает.

Обратим внимание на то, что армейская норма, в отличие от нормы «штатской», стремится к тому, чтобы носить абсолютный характер. Вне армии со столь строгими правилами люди сталкиваются лишь изредка: например, когда речь идет о правилах дорожного движения. Этические нормы, нормы поведения и т. п. допускают отступления и даже разные трактовки. В армии же устав и проч. пытаются строго регламентировать все сферы армейской жизни, и любое нарушение устава рассматривается как нечто неприемлемое.

Обозначенное в подзаголовке определение «из красноармейского быта» не совсем точно. Во-первых, в сборнике есть целые разделы, связанные не только с бытом, но и с военной подготовкой («Винтовка», «Строй», «Военная техника», «Часовой – лицо неприкосновенное», «Военная тайна»), во-вторых, действие некоторых произведений, в том числе в большей части двух заключительных разделов («В бессрочном отпуску. Красная армия и население» и «Военизация населения»), связано с сельским или провинциальным бытом, а не с красноармейским. По всей вероятности, указание подзаголовка потребовалось главным образом для того, чтобы сразу подчеркнуть отсутствие войны или каких-нибудь боевых действий. В книге изображается Красная армия в мирное время, что позволяет рассматривать в качестве комических ситуации и конфликты, которые в военное время таковыми бы не являлись. Главным образом, это касается перечисленных выше разделов, связанных с военной подготовкой. Часовой, заснувший на посту в мирное время, может быть показан как комический персонаж. Та же ситуация, перенесенная в контекст войны, существенно осложняет, почти исключает комическую интерпретацию.

В основе большинства ситуаций лежит несоответствие между тем, что должно быть, и тем, что происходит на самом деле. Чаще всего показывается внутреннее несоответствие, которое легко выявить за счет нескольких реплик даже в сверхмалых жанрах. К примеру, часовой не должен спать на посту – это исходит из «определения», так что словосочетание «спящий часовой» по сути своей должно восприниматься как оксюморон. В стремящейся к абсолютизации и незыблемости нормы армейской системе координат (в случае, если бы все ее принимали за таковую и не ставили под сомнение саму норму) в качестве комической ситуации могло бы рассматриваться любое нарушение устава само по себе, притом что этот комизм был бы на грани абсурда. Ситуация «Часовой заснул» воспринималась бы как анекдот из разряда черного юмора, что-то вроде анекдота про ёжика, который «шел-шел, вдруг забыл, как дышать, – и умер».

Реальна ли ситуация, при которой часовой спит на посту? Конечно. Но интерпретировать ее можно по-разному. Если часовой засыпает на посту во время войны и тем самым ставит под угрозу жизнь товарищей, успех военной операции, исход сражения и т. д., комическая интерпретация ситуации невозможна. Вина здесь носит не относительный, а абсолютный характер. Другое дело, если в мирное время часовой, охраняющий дрова, засыпает и падает в лужу, как в рассказе Н. Ипатова «Луна». В этом случае страдает только он сам. Провинность заснувшего часового невелика, и ситуацию можно интерпретировать как комическую.

Засыпающие дежурные или часовые – одна из наиболее часто встречающихся в сборнике комических ситуаций. Впрочем, сама по себе эта ситуация – в силу рутинности – не воспринимается в полной мере как комическая: для этого ей не хватает неожиданности, исключительности. Поэтому акцент переносится с самой ситуации на ее развитие: к примеру, попытку оправдать то, что по сути своей не должно иметь оправдания.

Не спал

- Вы спали на посту?
- Нет, не спал.
- А почему вы звали на помощь? Ведь никого нет?
- Это я нечаянно, во сне крикнул, товарищ дежурный [1, с. 70]

Отговорочка

Карнач, проверяя посты, наталкивается на спящего часового.

- Часовой!.. Товарищ часовой!..
- А... а... тут я, товарищ карнач!
- Почему вы спите? Разве не знаете, по уставу...
- Так я не спал, а нарочно притворился, чтоб испытать, знаете вы устав или нет [1, с. 70]

Та же схема развития комической ситуации используется и в других случаях, к примеру в разделе «Винтовка». Оружие нужно чистить, смазывать, в общем, содержать в порядке: это незыблемое правило, норма. Грязная винтовка – нарушение нормы, которое в армейской парадигме должно также стремиться к оксюморности.

Интересно, что обе комические ситуации получают развернутую интерпретацию (в разных произведениях, разумеется) за счет одного и того же приема: одушевления. Комический эффект здесь усиливается за счет того, что одушевляемые предметы – винтовка и сапоги – оказываются разумнее своих хозяев. В анонимной сцене «Разговор с винтовкой» красноармеец Пыжиков перед призывной стрельбой вступает в диалог со своей Винтовкой (за которую, как отмечено, «из-за кулис говорит красноармеец»). Винтовка объясняет красноармейцу, что тот «все нарезы от усердия содрал», «шомпол потерял», а ее «палкой дырявил – вместо протирки паклей надсаживал», вместо мази протирочной «постным маслом мазал», плюется на него патронами, а затем отдает при выстреле в зубы [1, с. 40–41]. В «Веселом рассказе» П. Ейска «Сознательные сапоги» сапоги уснувшего на дежурстве красноармейца Онищенко изо всех сил пытаются его разбудить: «Правый сапог грустно покачал своим носком и говорит левому:

– Ах, какой неосознательный этот товарищ Онищенко. Ему доверили жизнь всех людей в роте, а он спит. Хоть бы тебе пяткой пошевелил.

– Да, действительно, – отвечает ему левый сапог, – я почитай уже три подметки сносил за свою жизнь, а такой халатности не наблюдал.

– Знаешь что! – говорит правый сапог левому. – Давай его, сукина сына, разбудим» [1, с. 23].

Затем сапоги создают Онищенко «неловкое положения с ногами», тянут его в разные стороны, разъезжаются, выворачивают ноги, но всё без толку. В результате сапоги крадет некая «темная личность», причем в разговоре с ней подчеркивается, что сапоги гораздо ценнее такого красноармейца, как Онищенко: «– В таком случае вы, гражданин, заберите Онищенко. Он куда больше нас размером, и вообще хоть и сонный, но все-таки живой человек. Возьмите Онищенко заместо нас.

– Нет, спасибо, – говорит темная личность. – На что мне Онищенко нужен? Какая с него польза? Поручи ему какое-либо дело сделать, а он заснет. Нет, вы для меня гораздо ценнее, и, между прочим, я с вами по этому поводу не хочу больше никаких рассуждений иметь» [1, с. 24–25].

Кстати, схожую модель построения сюжета, основанную на одушевлении, мы встречаем и в названном выше журнале военнопленных «В замке». Автор опубликованного во втором номере за подписью «Мор...кь...» фельетона «Сон» рассказывает, как ему приснилось, будто он – телеграмма, посланная офицерами лагеря Русскому Посольству в Берлине. Оказавшись в посольстве, он становится свидетелем диалога «товарища Бори» и «товарища Семы» (в последнем легко угадывается атташе по делам военнопленных Семков), ничего не желающих, да и не способных сделать [8, с. 18].

Многие комические ситуации в сборнике строятся на путанице. В произведениях сверхмалых жанров комическая ситуация часто связана с многозначностью того или иного слова (как минимум одно из которых военный термин) и возникающем на основе этого непонимании либо на созвучии слов:

Не из хвастливых

– Федька-то с корабля письмо прислал. Пишет, что ему пришлось и уже три раза на вахте постоять!..

– Подумаешь – удивил! Я шесть раз сидел на гауптвахте и то не хвастаюсь! [1, с. 38]

Толковый пулеметчик

– Васькин, скажите, – какие бывают задержки?

– Задержки чаще всего бывают, когда без увольнительной записки сиганешь. Беспременно дневальный у ворот задержит! [1, с. 47]

Не женат

Командир взвода. Товарищ Великанов, становитесь на развод!

Великанов. Да я, товарищ командир, еще не женат, так что не с кем разводиться! [1, с. 48]

На общих сборах

– Слышь, Федька, а лошади-то у кавалеристов курят...

– Н-но?

– Право слово, сам слышал, как один кавалерист говорил: у моего коня мундштук сломался!..» [1, с. 49]

В основе подобной путаницы также лежит несоответствие, причем двойное. Несоответствие выбранного комическим персонажем значения армейскому контексту лежит в основе игры слов и одновременно раскрывает несоответствие персонажа званию красноармейца, который обязан знать значение военных терминов.

За счет этого двойного несоответствия создается движение комического сюжета: комическая ситуация оборачивается обобщением, элементарно комическое – социально комическим, казус – сатирой.

К этой группе примыкают и примеры так называемой «народной этимологии» (в данном случае солдатской и комической) терминов.

Не из робкого десятка

– Ситников! Почему шашка называется холодным оружием?

– Потому что ежели на фронте на тебя мчится неприятель с клинком, то по спине мороз побегает [1, с. 51]

Полевой караул

– Что такое полевой караул, и почему он полевым называется?

– Полевой караул – ну вот и полевым называется. Иду я, например, по полю, вдруг на меня нападут бандиты, и я должен кричать караул – поэтому он полевым и называется!» [1, с. 52]

Иной тип комизма лежит в основе «Военно-политического словаря Чиркина», построенного на комическом толковании военной терминологии: «В словаре пропущены некоторые буквы (ввиду того, что Чиркин не совсем еще ликвидировал неграмотность).

Бачок – вооружение каждого красноармейца.

Винтовка – средство сообщения между землей и небом.

Залп – способ выпить бокал пива без передышки.

Ложка – приложение к бачку (поменьше немножко), см. “бачок”.

Мишень – недостижимая вещь.

Маневр – уйти из казармы не через ворота, а через забор.

Нейтралитет – двое спорят, а я ем из общего бачка.

Пазы – места позади высоких ребят, где соснуть можно на занятиях.

Тренировка – изо дня в день... получать дисциплинарные взыскания, увеличивая норму.

Ура – обедать несут.

Устав – от слова уставать.

Часовой – личность неприкосновенная... пока не спит.

Чемпион – кто больше съест.

Эвакуация – оставление занятых позиций, возвращение из околотка в часть» [1, с. 37].

Здесь (по крайней мере, в большинстве толкований) явно предполагается, что Чиркин знает правильное значение термина, но дает свое, иное, более выгодное. В другом контексте подобный словарь мог бы использоваться для создания комически-положительного образа, подобного фольклорному хитроумному солдату или бравому солдату Швейку Ярослава Гашека. Но составители используют в сборнике ряд сквозных персонажей, фамилии которых становятся маркером комически-отрицательного, сатирического образа. Одним из таких персонажей и является Чиркин. Подобная сатирическая характеристика образа задается уже в предисловии, где составители указывают: «Он достигает этого своими путями, делая смешными различных Чиркиных и Растяпкиных и убивая их этим смехом» [1, с. 11]. Отметим, что сквозные персонажи используются и для того, чтобы включить не имеющее сюжетной связи с военной темой произведение в армейский контекст. К примеру, в сценке Копьевского «Колдун» фамилия героя – Чиркин – единственное связующее с темой сборника звено. Чиркин едет в деревню, останавливается перед человеком с вывеской на груди: «За 20 копеек предсказы-

ваю прошедшее, настоящее и будущее». Предсказатель рассказывает Чиркину, что тот «большого роста», «не то женатый, не то холостой» и проживет «долго, долго, до того дня, покуда не помрешь». Пока пораженный способностями колдуна Чиркин достает деньги, чтобы расплатиться, у него крадут мешок: «Худой человек встрепенулся и убежденно добавил:

– А еще по планиде Арарат выходит, что обкрадут тебя...

Чиркин взглянул на то место, где стоял мешок, и завертелся волчком: мешка не было. Чиркин весело хлопнул себя по коленке:

– Во, угадывает, так угадывает! Обязательно колдун!» [1, с. 138].

Универсальные комические ситуации трансформируются в сюжеты с вполне конкретной проблематикой за счет прописанного или подразумеваемого противопоставления персонажей. Контекст сборника заставляет распределять нужным образом реплики между персонажами даже в сверхмалых жанрах. Таким образом, построение на основе универсальной комической ситуации сюжета с заданными воспитательными (обличительными) целями происходит за счет названных или даже не названных в конкретном тексте, но определенных структурой сборника, персонажей.

Выявляемые в комических ситуациях пороки и недостатки, как правило, не несут в себе ничего специфически обусловленного службой в армии. Это глупость, лень, безграмотность и т. п., а потому и комические ситуации во многих случаях имеют лишь внешнюю связь с Красной армией – например, просто за счет названия персонажей красноармейцами. Подобная, связанная с армией терминология, из многих текстов исключается без малейшего ущерба для комического эффекта и с легкостью заменяется иной, так как ситуация носит универсальный характер.

В рассказах наращивание сюжета происходит чаще всего за счет либо совмещения нескольких комических ситуаций, либо повторения одной и той же, либо прописывания лишь подразумеваемых в анекдоте завязки и развязки, а также обрамления комической ситуации предысторией и последующей историей. В роли последней часто выступает сообщение о том, что героя «пропечатали» в газете: «И совсем я не понимаю, чего меня в газете пропечатали, да написали еще, если бы все красноармейцы такими были, то взяли бы нас буржуи голыми руками, – должны же они понимать, что я при своем уме и деликатном сложении к военной службе неспособен» («Письмо Пети Бузилкина: Рассказ» Яна Пригминского [1, с. 21]); «А в роту пришли – засмеяли ребята. Проклятые военкоры уж и в газетку нарисовали. Рожу сделали в сажень и с трубкой у уха. Подписали – “беспроволочный телефонист”» («Зуммер: Рассказ» П. Баркова [1, с. 57]).

В разделе «Военная тайна» пять произведений. Из четырех анекдотов два построены на доведении «хранения» тайны до абсурда. В одном красноармеец отказывается в госпитале показывать осматривающей его студентке-медичке язык «по причине военной тайны»: «В разговоре с вольными гражданами, особенно женской нации, должен я держать язык за зубами» («Не подденешь на удочку» [1, с. 74]). В другом некто отказывается сообщать, куда переехал командир роты, потому что «расквартирование воинских частей не подлежит оглашению» («Верх последовательности» [1, с. 75]). Два оставшихся – диалоги, в которых пытающиеся хранить военную тайну красноармейцы тут же случайно ее выбалтывают, сами не понимая этого.

На посту у огнесклада

Старуха. Чево это ты тут охраняешь, голубчик?

Красноармеец. По уставу его – секрет.

Старуха. Почему секрет?

Красноармеец. Та, должно быть, чтобы гранат кто-нибудь не спер! [1, с. 74]

Парень-кремень (Сценка с натуры)

Девушка. А сколько у вас начсостава в роте имеется?

Красноармеец. Я вас, мамзель, при всех своих горячих чувствах, прошу эти разговоры оставить. Я насчет военной тайны – кремень! Да!

Девушка. Ага, понимаю. Но очень интересно мне знать, сколько у вас женатых командиров?

Красноармеец. Это можно. Даже с удовольствием могу сообщить: двенадцать!

Девушка. Ну, а холостых?

Красноармеец. Холостых десять» [1, с. 75]

В открывающем раздел рассказе Г. Кузьменко «Военная тайна» сюжет построен на повторении и комбинации этих двух базовых ситуаций. Герой дважды случайно выбалтывает секреты, пытаясь их сохранять. Сначала мужику по дороге: «Ехал мужик по дороге, и черт его дернул спросить именно меня, куда мы идем.

– Эге, – подумал я, – не на такого нарвался – и нарочно громко, чтоб все слышали, говорю мужику:

– Езжай дальше! Куда едем – наше дело, а кто скажет тебе, тот есть несознательный красноармеец – потому это есть военная тайна!

Мужик индо рот разинул...

Огорошил я мужика такими словами и дальше возьми и спроси:

– Ты лучше не выпытывай, куда мы идем – а вот скажи: далеко до Ивановки?

Тут ребята как загогочут все! Смотрю – и мужик смеется!

Спервоначалу я не понял, в чем дело, потом слышу, говорит крестьянин:

– До твоей военной тайны осталось 8 верст!...» [1, с. 72–73].

А затем хозяйке дома в Ивановке, где красноармейцы останавливаются на ночлег: «Хозяйка спрашивает, где мы будем спать (нас трое было): в амбаре или в сенях, а я говорю:

– Стели нам на печи, и не спрашивай почему, потому что это есть военная тайна.

А она мне в ответ:

– Да печь больно горяча, нынче хлеб пекла, а ты залезешь на печь с патронами, еще взорвется...

– Что ты, – говорю, – очнись! Не токмо у меня, а во всем полку, почитай, ни одного патрона нету...

Тут Ванька-автоматчик как толкнет меня в бок:

– Что же ты треплешь про военную тайну да еще бабе?» [1, с. 73].

После этого, решив крепко держать военную тайну, герой отказывается докладывать подносчику патронов, сколько патронов осталось: «– Патроны есть?

– Проваливай, говорю, отсюда! Есть ли, нет ли, не твое дело, потому военная тайна!

Ну после ребята смеялись. Говорят, что по израсходовании трети патронов должен докладывать командиру, а не держать в секрете. Зудили, зудили меня, и опять в газете кончилось мое дело» [1, с. 74].

Получают ситуации и соответствующее обрамление. Начало рассказа-монолога содержит обращение к слушателям и объясняет условия, приводящие к возникновению комических ситуаций (общий смысл которых потом автоматически «перекладывается» и на анекдоты): «Расскажу, ребята, как я на маневрах держал военную тайну, – а ваше дело посудить, кто прав, кто виноват...

Дело было так: шли мы походом на деревню Ивановку, а до похода командир взвода строго приказывал держать все в секрете и все, касаемо военной тайны, досконально объяснил.

Ну-с, и решил я помалкивать, да только пренеприятная история вышла с моим решением...» [1, с. 72].

В заключительном абзаце содержится обращение к военкорам: «И вот теперича, когда я и Ванька-автоматчик увольняемся, а оба мы из одной деревни, и чего доброго он рассказывать там начнет, а я вот и прошу пропечатать, как все это вышло, чтобы все знали, что тайну я завсегда крепко держал!» [1, с. 74].

Таким образом, в основе всех пяти произведений в разделе лежат лишь две базовые комические ситуации, получающие различные интерпретации.

Обратим заодно внимание и на Ваньку-автоматчика, строго хранящего тайну, и командира взвода, который «строго приказывал держать все в секрете и все, касаемо военной тайны, досконально объяснил». В книге есть и положительные образы военных. В этой роли выступают либо представители командного состава, либо солдаты, вступающие в конфликт (или конфликт-диалог) с отрицательными персонажами – будь то солдаты или мирные жители. Но положительные образы, как правило, лишены комических черт. Вообще, в книге нет сатирических или даже просто комических образов командиров и политработников, все конфликты между военным начальством и подчиненными выявляют неправоту последних. Единственным примером обратного является открывающий сборник рассказ Раевского «Кобылка», в котором речь идет о... царской армии.

Нет в сборнике и попыток создания образа красноармейца-весельчака, балагура и хитреца, с легкостью выходящего из сложных ситуаций à la Ходжа Насреддин. Анекдоты, в которых проштравившийся красноармеец проявляет чудеса изворотливости, в книге есть, но за счет общего контекста они скорее обращаются насмешкой над тем, кто пытается вывернуться.

Вывернулся (в стрелковом кружке)

– Зря ты, Филька, бахвалился... Попаданий у тебя очень мало...

– Дурья голова! Дык я же из малокалиберной винтовки стрелял» [1, с. 45].

По-иному воспринимается комическая ситуация, построенная на столкновении двух норм. Таких примеров в сборнике несколько, и, несмотря на очевидную несуразность апелляции к иной норме, доведение до абсурда, происходящее за счет одной реплики, показывает сомнительность категоричности любой армейской нормы в принципе, а потому заставляет симпатизировать оправдываемому.

Тоже режим экономии!

– Ну как ты, Ваня, попал хоть одной пулей в мишень?

– Что я, дурак, казенное имущество портить – мишень? Она тоже денег стоит, а теперь при режиме экономии деньги во как нужны! [1, с. 44]

Дальновидный стрелок

– Почему это у вас, товарищ Чиркин, грязно в канале ствола винтовки?

– Потому что если часто чистить, товарищ командир, то можно в канале ствола дырку протереть [1, с. 45]

Сердобольный кавалерист

– Вы что плохо лошадь свою чистите?

– А я ее шкуру берегу, товарищ командир! [1, с. 52]

После сельскохозяйственной лекции

– Ну и оброс ты, братец! Который месяц не брился?

– Дык, ведь сам же лектор намедни велел беречь растительность [1, с. 93]

На доведении до абсурда категоричности нормы построено и наиболее сложное сюжетно произведение в книге – юмореска В. Гонибесова «Обучающий». Здесь автор использует сразу три сюжетных поворота, причем каждый новый «отрицает» предшествующий: «Костина послали на швейную фабрику. Тут-то он и решил себя показать.

Прежде всего он решил познакомить членов кружка военных знаний с гарнизонным уставом. Разбил всех работниц по караулам, учинил развод, как полагается, расставил посты и подошел к часовому у стола.

– Дай винтовку!

Та подала.

– Сюда все! – закричал обучающий. – Правильно? – спросил Костин кружковцев. – Нет, в корне неправильно. Этак приедет Чемберлен, всех голыми руками возьмет. Никому нельзя отдавать винтовку, пусть хоть брат, хоть сват, хоть мать родная – все равно гони к чертям и – никаких. А если силком будут – стреляй, поняли? А тебе для первого разу – один наряд» [1, с. 164–165].

Этот фрагмент – начало рассказа – вполне мог бы являться самостоятельным произведением в сборнике, тем более что помещен в текст в разделе «Военизация» населения. С одной стороны, здесь налицо нарушение армейской нормы, с другой – комически выглядит попытка навязать это норму штатским – пусть и в рамках «военизации», особенно отправить работницу в «наряд вне очереди». Но автор этим не ограничивается. На достаточно логичные с точки зрения устава, хотя и абсурдные с учетом контекста действия Костина следует столь же логичный и одновременно абсурдный ответ одной из работниц. Взяв у Костина винтовку и встав на пост у стола, она затем упорно отказывается отдавать оружие обратно – действуя именно так, как объяснял Костин: «Он еще раз обошел посты и решил закончить занятия.

– Ну, ладно, постояли и будет, давай винтовку, – подошел он к часовому.

Вихрастая только выше подняла голову.

– Слышишь? Хватит, мне надо идти...

Молчание.

– Да что ты, очумела, что ли? – не на шутку рассердился обучающий и решительно направился к печке.

– Не подходи, убью, – закричала вихрастая и подхватила винтовку на руку» [1, с. 165].

И вновь здесь можно было бы завершить рассказ, тем более что сюжет, казалось бы, зашел в тупик и выйти из него, не искажая образ «вихрастой» очень трудно. Но автор находит еще один неожиданный поворот, позволяющий усилить комический эффект и одновременно развязать конфликт: «– Что тут делать, вот влопался! – чуть не плакал обучающий...

– Знаешь, ты ее смени, – шепотом предложил секретарь ячейки.

– То есть как?

– А приведи меня как часового, и произведи смену. Вот тебе – и винтовка!

– Тьфу, а ведь верно. Как это я...

– Пост, смир-р-но!

Вихрастая была сменена» [1, с. 166].

На этом с точки зрения комического в рассказе уже точно надо было бы ставить точку, но эффект от возможной неожиданной концовки снижается последующей историей, в которой автор пытается уйти от, по-видимому, излишней

с его точки зрения буффонады: «– Ну что, как? – спросили Костина на другой день сослуживцы и товарищи по ячейке Осоавиахима.

– Дисциплина расшатана, пожаловался Комтин и попросил его заменить» [1, с. 166].

Два заключительных раздела сборника – «В бессрочном отпуску. Красная армия и население» и «Военизация населения», – казалось бы, вообще не имеют отношения к «красноармейскому быту». Но на самом деле их появление закономерно, поскольку именно конфликт между сознательными (в идеале) красноармейцами и недостаточно сознательным «населением» является определяющим в сборнике. Как было отмечено, напрашивающегося для военной тематики конфликта с врагом в сборнике нет. Этот репертуарный сборник предназначен для исполнения в военных клубах и т. п. в мирное время, и его потенциальная аудитория – это, прежде всего, новобранцы, а также местное население.

Обозначенное в предисловии противопоставление старого и нового становится основой большинства комических конфликтов в сборнике, но это не столкновение старой и новой армии, а противоречие между «пережитками» дореволюционного и новым, пореволюционным, в целом. Оно, естественно, может рассматриваться в СССР как комическое, т. е. мнимое, поскольку новому, безусловно, должно отдаваться предпочтение. Судя по концепции сборника, этот конфликт присущ во второй половине 1920-х гг. прежде всего деревне, с трудом изживающей «дореволюционные» пережитки. На армию проецируется именно «деревенский» конфликт: забранные в армию мужики проявляют несознательность, лень, нежелание следовать распорядку, необразованность и всё прочее, что связано с достаточно привычным образом «темного мужика». Армия показывается как место, где многие подобные несознательные или недостаточно сознательные элементы перевоспитываются: возвращаясь затем в свои деревни, они становятся провозвестниками нового и часто уже как представители нового начала вступают там в конфликт с местными, продолжающими жить старым.

В большинстве случаев собственно комические ситуации не выходят за рамки юмористического, но армейский контекст с его жесткой нормативностью заставляет воспринимать их как социально опасные и соответственно переводят в область сатиры. В то же время вынесенные на первый план воспитательные задачи зачастую побуждают включать в сборник произведения не смешные и однотипные, повторять одни и те же базовые комические ситуации. Ориентация на невзыскательную «деревенскую» или «солдатскую» аудиторию заставляет делать выбор в пользу простейших комических сюжетов и элементарных комических ситуаций, построенных на внешнем комизме, не требующем особой подготовки для понимания. Составители назвали сборник «Пять в яблочко», но на самом деле он балансирует где-то между заявленным стопроцентным попаданием и тем, что высмеивается в одном из анекдотов:

– Ну, как вы сегодня стреляли?

– Я, товарищ командир, в одну из пяти попал, зато кучно! [1, с. 166].

Список литературы

1. Пять в яблочко: 210 анекдотов, сценок, юморесок, частушек из красноармейского быта». М.; Л.: Отдел военной литературы Гос. изд-ва, 1929. 175 с.
2. Дусин А. В. Переводная военная книга в России (1918–1941 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012.
3. Пять в яблочко: 175 анекдотов, сценок, юморесок, частушек из красноармейского быта / Сост. З. Львов, В. Гранов. М.: Военный вестник, 1927. 156 с.

4. Пять в яблочко: анекдоты, сценки, юморески, частушки из красноармейского быта. 210 анекдотов, сценок-рассказов, юморесок и частушек из красноармейского быта / Сост. В. Гранов (Дядя Кондрат), З. Львов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Военный вестник, 1928. 181 с.

5. *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4.

6. *Петровский М.* Анекдот // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1: А–П.

7. *Николаев Д. Д.* Русские периодические издания в Германии // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Вып. 3. С. 173–247.

8. В Замке: [Журнал]. (Рейзен). 1918. № 2.

9. В Замке: [Журнал]. (Рейзен). 1918. № 3.

10. *Николаев Д. Д.* Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко. Две тенденции развития русской юмористики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.

D. D. Nikolaev

Moscow, Russian Federation

**JOKES, SATIRE AND HUMOROUS SHORT STORIES
ABOUT THE SOVIET RED ARMY:
COMIC SITUATIONS AND COMIC NARRATIVES**

In this article literary and folk works collected in the book «Pjat v jablochko: 210 anekdotov, scenok, jumoresok, chastushek iz krasnoarmejskogo byta» («Five shots in the eye: 210 jokes, sketches, funny stories, chastushkas from Red Army everyday life» (1929)) are analyzed. A lot of satire and humorous texts in the book are based on the universal comic situations connected with the army by whole book context. Jokes and funny stories about the Red Army explore the violation of the norm, but at creation of a plot authors are compelled to look for additional sources of comic effect, because the strong norm dictated by army rules is not such in practice. Comic conflicts are used not only for ridicule those who don't want to take in care Red Army's rules, but also for accusation all old, pre-revolutionary, symbolized as "dark peasant" trying to resist new, soviet, as which carrier the Red Army acts.

Keywords: satire, humor, comic literature, joke, Red Army, soviet literature, Russian literature of 1920th, sketch, soviet history.

Nikolaev Dmitry D. – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of World Literature of Russian Academy of Science (25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation, ddnikolaev@mail.ru)